

Тамерлан и поэзия

Предводитель Синей Орды Тамерлан имел глаза, смотревшие из-под бровей, нависших черными сугробами, подозрительно. Глаза осматривали ряды смуглолицых воинов, ища поэтов.

— Ты пиш-щешь? — свистел в щербинку своих зубов Тамерлан, указывая плеткой на какого-нибудь юношу.

— Нет, ваша солнечная магометанская милость, — отвечал юноша, бледнея. — Пробовал, но все выходило не так, как у Хафиза. И я бросил...

Тамерлан шаркал ногою, сильно хромавшей при ходьбе, и говорил мягко, потечески:

— Будещ-шь писать, велю отрубить тебе голову!

Беда была с этими поэтами в многолюдном стане Тамерлана. Они рождались внутри себя, и их невозможно было разглядеть сразу, как траву или ящерицу. Поэты уходили в степь, доставали из-за пазухи бумагу и укладывали арабской вязью свои переживания. Они встречали белевшие в степи кости животных и человека и отводили от них взгляд. Их кадык мелькал чаще, чем у других воинов, поскольку чаще других смотрели они в небо!

Тамерлану нужны были воины, способные убить даже свою мать, если им прикажут. Так завещал человеку Закон степей. Только с такими воинами, способными перегрызть железные удила, можно было победить Тохтамышша, предводителя Золотой Орды, и сделаться властелином всей Азии! Но поэзия ослабляла ряды его воинов, осуждая насилие и смерть. Поэзия рождала улыбку на лице, похожую на голубку. Она звала в сады, в которых цвели яблони и вишни. Поэзия, если представить ее Амударьей, текла совсем в другом направлении!

Тамерлан обходил ряды своих воинов, ища в них источник поэзии и надеясь его пресечь, но всякий раз убеждался в своем бессилии. И он, наделенный Аллахом поистине вселенской властью, боялся поэзии.

Отходя ко сну, Тамерлан зажигал светильники возле своей головы, горевшие до самого рассвета. Чтобы поэзия, слетая с уст увенчанного славой Хафиза, его не посетила.

Пруд Басё

мини-пьеса

Бухгалтер — в шелковой красной рубашке, Фея — в цветке тюльпана, который держит в руках Бухгалтер.

Б: — Скажи мне, наставница комаров, мать спелой травы и сестра цветущей черемухи, о поэтах. Што они делают на этой земле?

Ф: — Ищут пруд Басё.

Б: — Самый обыкновенный, што ли, пруд? И Басё — што за птица такая?

Ф: — Обыкновенных прудов, касатик мой, не бывает. Все они с облаками и звездами. И рыбы в них разные, и камыши шепчут на ветру разные истории. А Басё — поэт, воспевший романтику таких поисков.

Б: — Верно, небылицы ты мне, матушка, говоришь... И што, нашли?

Ф: — Одни — нашли, другие вышли на берег этого пруда, но заблудились в зарослях краснотала. А третьи и вовсе ушли в сторону устойчивого заработка, цифровых забав и добровольного рабства у вещей и предметов.

Б: — Вон ты какая, бухгалтерия от искусства! А можно узнать имена поэтов, нашедших пруд Басё?

Ф: — Они написаны на лапках лягушек, живущих в этом пруду. Купайся в его водах в свое удовольствие, знакомься с каждой щукой и карасем. И не забудь прихватить с собой спички, горящие в воде, и сачок, сплетенный из строчек стихотворения.

Шум дождя

В провинциальном городке, где я родился, было немало цинковых крыш. И когда шел дождь, по-весеннему шумный и торопливый, крыши оживали. Они покрывались кружками и кружочками с торчавшей по центру иглой, блестели по всему скату и кутались в серебряный пар.

Каждая крыша во время дождя издавала свое, неповторимое звучанье. Одна шипела по-кошачьи, другая гудела пустым чердачным нутром, и была в тибетский барабанчик третья, смягчая звуки блестящими повсюду подтеками.

В водосток, имевшийся почти у каждой крыши, вода попадала струйками, закрученными в спираль. Текла по его слабому наклону и с шумом проваливалась в трубу, расплескиваясь у самой земли и пуская пену.

Каждый участок крыши также издавал свой, особый звук, похожий на звук симфонического оркестра. Это была музыка лета, мирные переговоры неба и земли, кончавшиеся порой вспышками лиловых молний. Музыка лета звала в сады, полные антоновских яблок, и говорила о проблемах роста пшеницы на колхозных полях и судьбе будущего урожая.

Много воды утекло с той поры, много радуг освещало провинциальный городок своим таинственным светом. Изменился и сам городок, занесенный микросхемами Билла Гейтса по самые крыши. Изменился и я, пройдя через разрушенную до основания страну, рыночные войны и социальные сети, похожие на барахолку, где искренность и пошлость, искусная живопись и мазня соседствовали друг с другом.

Но и в наступившие времена, когда идет дождь, барабания теперь уже по импортной черепице, душа моя волнуется. И летит туда, где когда-то в бревенчатом старом доме вошла в тело новорожденного малыша, слушая шум дождя, как шестую симфонию Бетховена.

Бухтарминские степи

Ходил я со староверами в Бухтарминские степи, слово голубиное искал. Степи эти неподалеку, за Катунским хребтом находятся. Вольно там дышится и видится далеко.

Степи эти не только небесами, но и легендой про земной рай, что в народе Беловодьем зовется, покрыты. И сыплются из той легенды легкие дожди. Вот и меня они в Бухтарминские степи привели, на вершину кургана поставили.

Плывет в своей желтой ладье Истина по небу, «свят, свят, свят!» повторяет. А я и рад! Рот отворю, солнечный ветер в него впушу и почувствую, как слово нужное рождается. От радости жизни оно прорастает, сквозь семизначную тоску.

А Бухтарминские степи шумят ковылем, память глубинную отворяя. Что случилось не только со мной, но и с моим народом. Не человек я в ту самую минуту, а всечеловек: и мужчина, и женщина, и старик, и ребенок. Сам с собой говорю, сам себе счастье и несчастье отмеряю. Вот из такой глубины и выходит слово голубиное, на радость и мне, и другим.

Скрепляет оно распады вселенские, штопает дыры в судьбе. А горе свое не замечаешь, если ты в ближнем живешь. Ты сила в нем крепкая, коренная, и поэтому — помогающая.

Вылечишь ближнего таким вот словом, и он тебя вылечить норовит. Ты ведь в нем болишь, спать не даешь ему ночами.

Ах вы степи мои, степи Бухтарминские! Меж зудящих десен вас положу, словно траву подорожник. Вами от мыка излечусь. И приду к вам в урочный час, попрошу слова голубинового. Словно родниковую воду, богатую серебром.

Всё, как в мире людей

Тэги для этой утренней импровизации: утро и огород.

Когда я выхожу после крепкого сна на воздух, меня встречают жители грядок и парников. И после короткого приветствия делятся со мной своими мечтами. Кем они желают стать в этом мире? Что ему подарить? На кого или на что хотят быть похожими? Вот краткий перечень того, что я слышу от фруктов и овощей каждое утро.

Капуста мечтает о международных соревнованиях корней и колодцев. Кто больше достанет из почвы воды, тот и будет чемпионом. Услышав однажды, что инопланетяне имеют головы, схожие с вилком капусты, она заявила: «Я тоже с дальней звезды. Вот только с какой — смахну гусеницу и подумаю!»

Зеленый лук мечтает приобрести свойства обоюдоострого кинжала и сражаться в урожайно-освободительной войне. Но, успокоенный теплыми дождями, обзаводится к концу лета солидной луковицей и видит себя в обществе сметаны и хорошо прожаренных пирожков.

Клубника, как самый нежный продукт, мечтает подсахарить жизнь поэтам и влюбленным. Но и кузнечикам тоже, пришедшим с войны с земляными лягушками на упругих смычковых костылях.

Картошка — всегда партизанит. Выпустит зелено-лиловый фонтан для маскировки, а сама спрячется в земле. Война с колорадским жуком, в которой участвует картошка, проходит с переменным успехом.

Зеленый горошек живет кустарными мыслями. Прячет продукты своей жизнедеятельности в мешочки, сшитые солнцем и дождем. И всем своим видом напоминает завод, на котором отливают пули для нужд пищевой промышленности.

Персик обзаводится к августу замшей, с одного бока красной, с другого — оранжевой. Но коровы, которые пасутся тут же, за забором, не признают его за лидера. Да, замшевый пиджак имеет персиковый цвет, но шьется он исключительно из шкур животных!

Свекла состоит с помидором в дальнем родстве. Их отношения, скрытые от глаз посторонних, напоминают масонские сходы и сохраняют свои правила как в небе, так и под землей.

Вот краткий перечень того, что я вижу и слышу каждое утро. И отвечаю овощам и фруктам с улыбкой: «Все, как в мире людей. Плодитесь и размножайтесь, мои дорогие, во славу зимней метели, полного живота и новых лирических откровений!»

Мужское и женское измерения

Мужская любовь — это выход в женское измерение, женская любовь — наоборот. Мы наполняем друг другом пустоты своего существования, и пусть это будет каждый день, каждый час, каждую минуту.

Когда я впервые стал тобой, вот было удивительно! Те же звезды светили над миром, те же поезда дарили пассажирам свой чай. Но в каждом стакане плавала золотая рыбка, и каждая свеча зажигалась от ближайшей свечи.

И ты была бликом на стекле, записной книжкой кондуктора, встречным гудком. Я проходил сквозь тебя, а ты — сквозь меня, и тихие радостные минуты падали к нашим ногам как снежинки.

Я так и не знаю до сих пор, кем в тебе отражаюсь. Быть может... Но стоит ли об этом гадать? Увеличительное стекло не знает предмет, который оно увеличивает, исправно совершая свой труд.

Выйду ли я из этого состояния когда-нибудь? Дым, покидая трубу, остается собою, я же, встретив тебя, изменился, стал другим. И расставанье с тобой напомнит мне трещину в дереве. Да, будет выделяться смола, которой смазывают смычок у скрипки, но игра... Останется ли с нами вдохновенье?

В любви мы проходим стеклянную дверь, ведущую в будущее. И видим в завязи цветка — цветок, и в цветке — плоды, которым предстоит еще родиться. Их соберут загорелые женщины ранним утром. Сложат в корзины и отнесут на базар — менять на улыбки покупателей.

Люди, обретая дар любви, наполняются чужой жизнью и радостью за ее существование. Они посылают свои мысли в мир, как радиосигналы. «Пусть будет миру хорошо», — несется в эфире. И приходит ответ, достойный посылаемых мыслей.

Так что же такое любовь, ответь мне, пожалуйста? Уверен, что смутишься и замолчишь, соприкоснувшись с Несказанным. Не смогу ответить и я, поскольку ответа не существует. Как не существует и нас, заключенных в скорлупу своего эгоизма, когда мы вместе. В том многомерном и счастливом мире, который нам дарит любовь.

Цветы Алтая

Мы — нежные краски долин, которыми летнее утро пишет картины будущего.

Мы — улыбка земли.

Мы — ее сны, которые земля рассказывает, шелестя травой, небу.

Мы напитываем своим ароматом ветерок, а тот, странствуя по миру, вызывает в людях лучшие мысли.

Мы являемся маяками измученных жаждой долин, на которые ориентируются в своем полете тучи. А перистые облака спускаются всякий раз ниже, чтобы нами полюбоваться.

Мы растем до самых ледников, сверкающих, как драгоценные камни, на солнце. И отмечаем границы своего обитания эдельвейсами.

Мы — гордость Алтая, равно как и всей Земли.

Мы являем собою образ ангела, который должен воплотиться в человеке. И эти времена близки.

Катунь, бегущая по Алтаю

Бежит Катунь-река, торопится попасть в море. Все на своем пути запоминает: кувшинку, ондатру, стрекозу.

— Вот, — думает, — вот: какая я запишка! Все запишу, от истока до устья, и людям подарю!

Синица слышит и тенькает. Ива слышит и не понимает ничего. Но поклон на всякий случай отвешивает.

Горы стоят, как старцы с седыми бородами. Думают стаями птиц, машут Катуню рукою ветра...

Го-ры!

— Людям твои запишки на что? У них есть поэты. Видят то, что не видят другие. Вроде очков на носу!

Екает Катунь на перекатах, но отвечать не хочет. Дальше бежит, на зорях розовея. Луну, как сахар, облизывает... Дальше, дальше, дальше!

С одного камня прыгнет, о другой ударится. Зафырчит, запенится и проворчит про себя:

— Ишь, дублиры нашлись! А знают ли много?

Повернет направо, потом — налево. Солнечным лучом заштопает царапину на кувшинке и снова ворчит:

— Возьмем стрекозу. Питается не только мошками, но и бликами на воде. А лесные шишиги любят щекотать пятки муравью... Ших, ших... Знают ли поэты об этом?

Поэт и стрекоза

Как пуля, попавшая в стеклянный куб, застревает с тревожным хрустом в его середине, так застряла в воздухе стрекоза, увидев Поэта на лужайке. Тот лежал в траве, пахнувшей так душисто, и сверкал свежевыбритой щекой.

— Отчего он так ярко сверкает? — спрашивала себя стрекоза и шелестела моторчиком своих крыльев еще проворнее.

А Поэт в это время писал стихи:

*Лето. Небо. Стрекоза.
Эти синие глаза...*

И стрекозе, привыкшей общаться с бабочками и жуками, было невдомек, что ее полеты, полные самых неожиданных выражений, рожают в людях вдохновение.

Женская рифма

Женская рифма всегда косится на мужскую. Она предпочитает сады, утренние туманы и соловьев тому старинному этикету, которым, по ее мнению, обременена рифма мужская.

Снисходительность в оценке происходящих в мире событий, подчеркнутая взмахом ее длинных ресниц, ей к лицу. Женская рифма по своей природе — демократка.

«Ах, я забыла калькулятор дома, — жалуется она, — и посчитать число слогов, содержащихся в строке, мне не под силу!»

А вот высказывания женской рифмы, сделанные на Международном футурологическом форуме:

«Поэзия существует сама по себе, как блики на листьях. Я — та морская раковина, которая звучит венозной кровью ее слушателей».

Муштру и суворовщину наших будней женская рифма приносит в жертву веселым праздникам. Любит петь «Марсельезу» на просторах силлабо-тонических баррикад. «Ямб и хорей — штучки, в Россию завезенные, — напоминает она. — Мир изменится к лучшему, если женская рифма будет уравнена в правах с мужской...»

Таково ее мнение на сегодняшний день. Женская рифма в России чувствует себя превосходно.

Всё благословенно

Гуляю по лесу и слышу, как Сентябрь меня окликает. А сам за веткой, за дождем, за первой душевной усталостью прячется.

— Хочешь, причешу? — предлагает Сентябрь, когда мы встречаемся с ним взглядом. — Тем же гребешком, которым и листья причесываю?

Сажусь на пенек, шлепаю по коленке ладонью, жду.

Руки у Сентября в жилах, словно корневища. Слышу, как шелестит он листвою, как бьется его ягодное сердце. Или это шиповник краснеет фонарем? Клюет его птичья мелюзга, осилить не может. И улетает к боярышнику — тот мягче и слаще!

Торопится Сентябрь, желая успеть выполнить свою работу, поскольку день стал короче. Складывает в свой желтый чемодан лето. И я прохожу мимо, стараясь не мешать. Я даже забыл о его существовании — так на душе хорошо!

Вот солнце садится за горную гряду, рассыпая по склонам медленные искры. И листья жухнут, меняют свой цвет. А тени разбегаются, как муравьи, почуявшие запах грозы в запрелом воздухе.

Где же Сентябрь? Где гребешок его ветра? Его цветная грусть?

Я всматриваюсь в небо минуту, другую и вижу следы Сентября. Да, это он мелькает в зените! И машет журавлиным клином, как клинком...

«И ладно пойдет, и в растопыр — все благословенно», — размышляю про себя и выхожу в озимое поле.

Яма

Сидя в глубокой и темной яме, я не вижу, но слышу Тебя. Мягко шуршат в осенней, похожей на свежие стружки листве Твои ноги, обутые в лапти мужика. Те же, кто посадил меня в яму, валят на нее лес, кладут кустарник и землю. Они считают, что я недостойн даже слышать Тебя!

Но яркий серебряный луч, исходящий от Тебя, проникает в мое сердце, как нитка в ушко иголки. И ободренный им, я снова вышиваю Твой образ на темном покрывале своих заблуждений. А рядом вышиваю лес и ненавистную мне яму...

Ты оживляешь созданную мной картину, ведь Ты для того и существуешь, чтобы творить бытие из небытия. И вот я стою уже возле ямы, в которой томятся мои враги...

— Выпусти их, — просишь Ты, указуя на яму.

Я пытаюсь возражать, но Тебя уже нет со мной...

Пока я колеблюсь и трушу, Ты молишь меня голосами моих врагов о помиловании... И я выпускаю своих врагов!

Они кланяются мне до земли, называя спасителем и незнакомцем.

— А того, кто засадил нас в яму, мы бы, как следует, проучили! — утверждают они.

Я говорю им всю правду о себе, они же заливают мою речь веселым смехом неверия...

Твои лапти, как прежде, шуршат в осенней листве. Ты принял вид седебородого старца с лукошком, собирающего как ни в чем не бывало в лесу грибы.

Истинное лицо человека

Когда я вернулся с войны, состоявшейся между стрекозами и болотными лягушками, мне было восемнадцать лет. Я помнил школьную парту, исписанную синими чернилами, и улыбался безглазым камням и водомеркам, пересекавшим лужу в солнечный день.

Мечтая увидеть лицо человека — да, да: его истинное лицо! — я взял и сорвал с него однажды маску. Но под маской оказалась другая маска, и под ней — тоже маска. Сорвав наконец седьмую и последнюю маску с человека, я замер от удивления. Мир, полный таинственных превращений, мерцал своими звездами надо мной!

— Добился ли ты, чего хотел? — услышал я голос за спиною. — Увидел ли ты, искатель, лицо человека?

Я обернулся. Со шучьим взглядом существо выглядывало из-за камня. Оно смотрело на меня тоскливо и безнадежно. А небо пылило Млечным Путем, пульсировало Полярной звездой и ловило ночных насекомых сачком Большой Медведицы....

Добился ли я, чего хотел?

Ко мне обращался сам Дьявол, как мне объяснили потом. Сеятель сомнений, король заблудившихся душ и наставник самоубийц. Но тогда... я ничего не знал об этом! Я был ослеплен своей молодостью и просветлен ею...

Помню, я улыбнулся незнакомцу. И захрустев картонными масками, валяющимися повсюду, сообщил:

— Зато я узнал, что человек — это сама Вселенная!

Виват, Поэзия!

На каком языке говорит ветер? Сколько наречий существует у птиц? Изучает ли кто-нибудь диалекты ручьев и речек?

С такими вопросами обращается летний солнечный день к сердцу человека. Так рождается поэзия. Она есть прекрасная возможность выразить музыку, заключенную в слове. Именно прекрасная, ибо музыкой зачинаются миры.

Темные века истории характеризуются прежде всего тем, что в них умирала поэзия. Суровый практицизм ставился во главу жизни, и мысль человеческая грубела, металась от одной крайности к другой, выраженной словами «да» и «нет», в тисках земной логики. Именно в эти века пылали костры инквизиции, велись войны, осуществлялась безудержная, лишенная всякого смысла погоня за наживой. И лишь после того, как начинала звучать музыка и в садах поэзии распускались цветы, мир возвращался к жизни, как после тяжелой болезни.

Виват, Поэзия! В твоих зеркалах отражается лучший, горный мир, по образу и подобию которого люди пытаются строить свое будущее. В твоих полях просторно, в твоих реках плавают золотые рыбы, твои горы покрыты парчой снегов, искрящейся на солнце. Ты одна можешь раскрыть ловушки городов, в которые упрятана ныне большая часть населения планеты, и выпустить людей на свободу. Ты одна можешь объяснить им, что такое Красота, и привести в объятия природы. Пресыщение техникой становится чудовищным, искусственные ритмы жалят, как осы в овсе. Люди гибнут от жажды, позабыв дорогу к Океану жизни...

Выведи нас, Поэзия, на светлый простор!

